

Сяо Линь понятия не имел, что за ним наблюдают. Давя в себе смущение и нарастающее возбуждение, он сосредоточенно изучал материал — и дело было вовсе не в праздном любопытстве. Конечная цель: овладеть техникой, повысить свою конкурентоспособность.

Только вот возраст брал своё. Пусть поначалу намерения и были самыми чистыми, но чем дольше смотришь, тем сложнее держаться.

Захотелось снять напряжение. Очень захотелось.

Сяо Линь уже было собрался, но усилием воли остановил себя. Подумал — и решил: сначала дочитать до конца, а потом. Иначе всё время уйдёт на собственное удовольствие — когда ещё тогда совершенствоваться?

Соперников хватает. И живых, и мёртвых — слишком много!

Цинь Шэнсюэ, устроившись снаружи у окна, предвкушал зрелище самостоятельного развлечения щенка — и вдруг тот, уже явно готовый продолжить, взял и ни с того ни с сего остановился.

Полковник Цинь:

— Э?

Как так — вообще ничего?

Мало того — не только ничего не стал делать, но ещё и перемотал назад и пересмотрел только что просмотренный кусок.

В наушниках, а Цинь Шэнсюэ за стеклом — так что звука он не слышал. Зато картинки вполне хватало, чтобы понять: омега на экране был весьма умелым. Это и без звука читалось по движениям.

Сяо Линь изучал действия альфы с тем же сосредоточенным видом, с каким разбирал тактические схемы на занятиях по стратегии. А потом попробовал повторить сам.

И только попробовав, понял: на вид просто, а на деле — требует настоящего чутья. Совсем не так легко, как кажется.

Что ж, без учёбы никуда — профессионализм всегда чувствуется.

Прилежный щенок снова потянул ползунок назад, повторил ещё раз. В этот раз, кажется, нащупал нечто правильное — и закрепил, стараясь запомнить до мышечной памяти.

Решив, что справляется неплохо, взглянул на экран снова — и невольно примерил на себя. Если бы... если бы они с женой вот так...

Уже от одного воображения сердце заходило. Мысли становились всё смелее.

Полковник Цинь наблюдал с нарастающим недоумением: ну и упорство. Такой азарт — и ничего лишнего? Что за сила воли при настолько красноречивом состоянии?

Хм. Впрочем, тоже неплохо.

Когда Сяо Линь потянул ползунок назад в третий раз, Цинь Шэнсюэ едва не расхохотался вслух.

Ну и ну. Никак не разберёшь — это вообще разница между омегой и альфой, или просто Сяо Линь такой особенный? Гонять один и тот же кусок по третьему кругу и умудряться находить в нём что-то новое — это уже талант.

Цинь Шэнсюэ беззвучно отодвинул раму и скользнул в щель. Ноги коснулись пола без единого звука. Так же бесшумно закрыл окно за собой.

А Сяо Линь уже находился на пределе. Пусть это была и одиночная история, но усердные собственные попытки вкупе с разгулявшейся фантазией сделали своё дело. Он колебался: чуть передохнуть и продолжить учёбу, или сначала дать себе небольшую награду?

Голова плохо соображала. Ему даже почудился слабый аромат Цинь Шэнсюэ — и от этого стало ещё острее.

Бросать учёбу не хотелось. Но ещё немного — и будет уже по-настоящему больно.

Он застрял между двумя решениями — и тут за спиной раздался тихий голос:

— Совсем никакой бдительности? На поле боя тебя бы уже не было в живых.

Сяо Линь застыл. Он узнал этот голос с первого слова.

Медленно, не дыша, повернул голову.

Цинь Шэнсюэ стоял у его кровати. Непринуждённо. Как у себя дома.

Увидев растерянное лицо Сяо Линя, он не удержался от улыбки и склонил голову набок:

— Неужели так интересно?

Сяо Линь опомнился — и в панике захлопнул световой экран. Осознание того, что Цинь Шэнсюэ неизвестно сколько уже наблюдал за ним, накрыло с головой. Внутри что-то умерло.

...Он видел. ОН ВСЁ ВИДЕЛ.

Как это вообще могло... как он мог это увидеть...

Щенок покачнулся. Особенно невыносимо было осознавать, что он ещё в том самом состоянии — и это при том, что он только что делал. Мир явно был настроен против него.

Сяо Линь всегда считал себя крепким. Но сейчас жить не хотелось.

Тело ещё дышало, но душа куда-то ушла и не торопилась возвращаться.

Цинь Шэнсюэ смотрел с интересом. Среди альф Сяо Линь был экземпляром крайне достойным. Мило. Приятно.

— Зачем закрыл? Ведь нравится же?

Душа вернулась в тело — и тут же взорвалась от стыда. Лицо запылало.

— Н-нет... не нравится...

— Не нравится — а выглядит совсем иначе.

Сяо Линь, пойманный этим взглядом в упор, дёрнулся. Острый стыд от того, что его застали, смешался с острым же волнением от присутствия Цинь Шэнсюэ — и превратился в нечто совсем уже неразборчивое.

Покраснел не только лицом — весь. Жар не унимался. Дыхание вырывалось короткими толчками и не слушалось.

С каждым вдохом запах Цинь Шэнсюэ становился ощутимее. Феромоны омеги таранили в упор. Фантазии из только что просмотренного начинали сливаться с реальностью, и стыд никуда не делся — только желание оказалось сильнее. Обнять его. Дышать его запахом полными лёгкими. Сделать с ним всё то, о чём только что думал.

Поэтому, как бы ни заплетался язык, Сяо Линь собрал все силы и выговорил:

— Ты... ты сам сказал, чтобы я учился.

— Я учусь.

Зелёные глаза поначалу бегали в сторону — но постепенно взгляд твердел, и когда он снова встретился с глазами Цинь Шэнсюэ, в нём горело что-то по-юношески упрямое и открытое. Никакого притворства. Чистое, незащищённое чувство.

Сяо Линь хотел, чтобы Цинь Шэнсюэ знал: он любит его. Что хочет быть любимым им в ответ. Что помнит каждое слово, сказанное им. И то, в чём был недостаточно хорош, — исправит.

Цинь Шэнсюэ понял его без лишних слов. Перед таким послушным щенком полковник не скупился на похвалу — даже наклонился и поцеловал его.

— Молодец.

Сяо Линь не дал ему уйти. Упустить такой момент мог только идиот.

Жена сама пришла в его комнату. Чего ещё ждать?

Он обхватил его почти инстинктивно — стремительно, голодно, накрыл губами губы Цинь Шэнсюэ, уже было собравшегося отстраниться. Поцелуй вышел нетерпеливым, почти яростным. Руки тоже не простаивали.

Так, не отпуская от себя, он потянул его на кровать — легко, одним движением. Омега мог за себя постоять, Сяо Линь давно в этом убедился. И всё равно — какой лёгкий.

Односпальные кровати в военной академии были чуть просторнее стандартных и куда удобнее. Держать жену в объятиях здесь было в самый раз — плотно, но не тесно.

Не то что та огромная кровать у Цинь Шэнсюэ, воспоминание о которой до сих пор жгло — его с неё однажды спихнули.

Если бы той ночью он проспал до утра, обнимая жену, — наверное, считал бы её лучшей кроватью в мире.

Но сейчас всё казалось именно таким, каким должно быть.

Цинь Шэнсюэ чувствовал его нетерпение. Руки альфы стали грубее, чем раньше — это были

мозоли от тренировок. При регенерации новых людей нарастить такие за короткое время можно только упорным трудом без поблажек. Сначала боль, потом — кожа, которую уже не прошибёшь. Явно не халтурил.

На вид — слушается. Хорошо.

Полковник Цинь стал чуть благосклоннее. Когда эти нравившиеся ему руки начали позволять себе лишнее, он отвернул голову, уклоняясь от поцелуя, придержал его ладонь и облизнул губы:

— Пока нельзя.

Сяо Линь уже почти не владел собой. Услышал «нельзя» — и разочарование было таким острым, что чуть не вырвалось вслух. Он стиснул Цинь Шэнсюэ, не отпуская.

Цинь Шэнсюэ просиял:

— Подожди! Сначала дай мне посмотреть кое-что интересное!

Сяо Линь не сразу понял. Когда до него дошло, о чём просит жена, — щенок замолчал.

— Не хочешь? — уточнил Цинь Шэнсюэ.

—...Хочу, — сквозь зубы выдавил Сяо Линь.

Куда ему деваться. Вдруг откажет — и пойдёт смотреть на кого-то другого. Этого Сяо Линь не допустит. Даже думать об этом нельзя.

Полковник Цинь сел на кровати, скрестил ноги и приготовился наблюдать.

Сяо Линь думал, что раз уж они оба оказались на кровати, неловкость от того, что его застали, как-то сама собой растворится, а дальше — обнять жену, и неважно, что было раньше. Главное — финал.

Не тут-то было. Испытания продолжались.

Молодость — молодостью, но стыдливость никуда не делась. Несмотря на всё, что между ними бывало, делать это у Цинь Шэнсюэ на глазах — совсем другое дело. Поначалу Сяо Линь едва не облажался прямо в начале.

Цинь Шэнсюэ увидел, что тот горит до кончиков ушей и совершенно не понимает, как

продолжать. Придвинулся чуть ближе и просто предложил понюхать себя.

Вкусно пахнет.

Феромоны омеги подхватили его и понесли — и Сяо Линь почти сразу нашёл нужное состояние.

Поначалу — всё равно смущался. Голову опустил, дышал осторожно, смотрел только на себя.

Но потом, осознав, что Цинь Шэнсюэ смотрит, почувствовал, как из глубины поднимается что-то горячее — и с этим жаром пришла смелость.

Жене нравится на него смотреть. Чего стыдиться? Радоваться надо.

С этой мыслью Сяо Линь наконец решился поднять глаза.

Цинь Шэнсюэ смотрел с полным вниманием. На красивом лице проступил лёгкий румянец, в глазах — влажный блеск.

Обманчивая картина: омега тоже как будто смущён. Но Сяо Линь уже знал ему цену. Знал, что всё не так просто.

И всё равно — не мог оторваться.

Нежная жена — прекрасно. Но жена сильная, непростая... тоже... тоже хорошо.

Любим он был хорош. Главное — что он.

Цинь Шэнсюэ встретил его взгляд и подумал: надо же, вот он Сяо Линь какой, оказывается.

В период гона оба были не в себе от жара. В прошлый раз — острое раздражение от феромональной ломки, спешка. Не было возможности рассмотреть толком.

А сейчас — наконец увидел. И это было лучше, чем он представлял.

Тот альфа с какого-то сайта, в захлавленной комнате — и рядом не стоял.

Сдавленные звуки. Красивое лицо. Смущение — а взгляд, когда всё же смотрит в глаза, обжигает. В зелёных глазах тлеет что-то исконно альфийское — жажда, охота, — и кажется, что он вот-вот прыгнет.

Форма военной академии — даже повседневная — несёт в себе что-то сдержанное, уставное. Молодой красивый альфа выше пояса — идеальный образцово-показательный курсант. Ниже пояса — полная противоположность.

В воздухе смешались его феромоны и феромоны Цинь Шэнсюэ, и сердце само по себе сбивалось с ритма.

Аромат омеги становился гуще — значит, всё получается. Взгляд Сяо Линя делался всё более голодным: от глаз Цинь Шэнсюэ — к губам, к чистой линии шеи, к железе. Зубы начинали зудеть. Хотелось укусить.

Пусть не метку поставить — просто попробовать на вкус, ощутить феромоны прямо в источнике. Одна эта мысль разжигала сильнее.

Дыхание стало горячим.

Взгляд скользнул ниже, к груди Цинь Шэнсюэ, скрытой одеждой. Сяо Линь прекрасно знал, что там — и что нужно делать, чтобы омеге было хорошо.

Он сглотнул. Терял над собой власть.

Почувствовав, что Цинь Шэнсюэ тоже начинает поддаваться, Сяо Линь больше не сдерживался. Освободившейся рукой он обхватил тонкую талию омеги и притянул его к себе — вплотную.

Следя за его лицом и переводя дыхание, Сяо Линь произнёс тихо:

— А-Сюэ... давай я тоже тебе помогу.

«Жена» крутилось на языке — но это слово он так и не решился произнести вслух. Вдруг не позволит.

Цинь Шэнсюэ не отказал. Зачем отказываться от хорошего?

Только что безупречный и собранный красавец в мгновение ока оказался в совсем другом виде — и ничуть не смутился. Смотрел на Сяо Линя с видом государя, ожидающего своего.

Щенок оказался куда изобретательнее, чем предполагалось. Они придвинулись друг к другу.

Температура тела у Сяо Линя была выше, и непривычный жар заставил Цинь Шэнсюэ невольно вздрогнуть. Никогда прежде он не был вот так — так близко с альфой. Возникло странное

ощущение: будто сейчас обожжёт. Он невольно втянул воздух сквозь зубы.

Грубые ладони. Жаркое тело. По отдельности — ничего особенного. Вместе — немного убийственно.

Голос Цинь Шэнсюэ потеплел:

— Когда успел научиться?

Сяо Линь поцеловал его в щёку:

— Вчера.

Цинь Шэнсюэ не удержался — засмеялся. Прикоснулся лбом к его лбу и разглядывал то, чего раньше не видел.

Красиво.

Феромоны разливались волнами, дыхание смешивалось, пьянящий аромат — такой близкий, почти осязаемый, как влажный воздух после дождя, липкий и густой. Чем больше дышишь, тем больше хочется.

Удовольствие нарастало. Голос Цинь Шэнсюэ звучал совсем рядом — каждый звук бил точно в цель.

Сяо Линь хотел слышать его — и одновременно боялся. Звукоизоляция в академии неизвестная. Въехав сюда, он ни разу не слышал соседей — но это ещё ни о чём не говорит. В прошлой квартире было плохо с изоляцией, там жена сам себя сдерживал. А здесь — полная неизвестность.

Он не боялся, что кто-то узнает об их отношениях. Пусть узнают — только рад будет. Но то, что происходит сейчас, — только его. Одного.

Сяо Линь потянулся к Цинь Шэнсюэ — хотел поцелуем заглушить эти звуки.

Цинь Шэнсюэ отвернулся. Закроет поцелуем — ничего не увидит.

Тогда Сяо Линь слегка прикусил мочку его уха и прошептал:

— Потише.

Цинь Шэнсюэ хмыкнул насмешливо:

— Чего боишься?

— Я не боюсь. Просто не хочу, чтобы кто-то чужой слышал тебя.

Цинь Шэнсюэ почувствовал, как в феромонах Сяо Линя лимонная кислинка стала резче. Интересно — это просто показалось, или ревность и правда меняет запах?

Кислый щенок. Прелесть.

Полковник Цинь повёл себя так, как ему свойственно. Специально прижался губами к его уху и позволил себе звук — тихий, но нарочитый. Как будто сдержался — а на деле стало только хуже.

Сяо Линь на мгновение превратился в статую.

А потом одним движением прижал Цинь Шэнсюэ к кровати, не давая продолжить.

У Цинь Шэнсюэ волосы встали дыбом. Звук застрял в горле. Всё тело напряглось разом — потому что теперь уже Сяо Линь был невозможен.

Слишком много. На грани того, где удовольствие начинает превращаться в настоящую муку.

Омеги всегда были в этом острее — так заложено генетически. А у Цинь Шэнсюэ к тому же вся чувствительность была обострена от природы: в бою это давало преимущество, здесь — делало уязвимым. Он сдавался куда раньше, чем Сяо Линь даже начинал уставать.

И Сяо Линь, разумеется, этим пользовался.

При таком обращении из глаз Цинь Шэнсюэ сами собой потекли слёзы — не от слабости, просто тело говорило своё. Он выглядел беззащитным, почти жалким.

Сяо Линь смотрел на влажные глаза жены — и внутри разливалось что-то самодовольное и горячее. Он склонился и поцеловал его в губы, наслаждаясь редкой мягкостью, которую Цинь Шэнсюэ себе позволял только вот так.

Под поцелуем Цинь Шэнсюэ постепенно успокаивался. Позволял себя держать, позволял чувствовать его, — и даже не возражал против того, что само по себе случилось следом. Как в первый раз: тихий, тёплый, уступчивый.

Всё, что было раньше, стало только разгоном к этому мгновению. Сяо Линь тонул в аромате омеги, и казалось — всё вокруг подталкивало, поддерживало, звало. Инстинкт, вписанный в гены, настаивал.

Поскольку губы были заняты, Цинь Шэнсюэ мог только тихо дышать носом — словно это единственное, что давало хоть какое-то облегчение.

Но для альфы и этого было достаточно. Сяо Линь был готов сойти с ума от него.

И вот тогда — в момент, которого Сяо Линь не заметил, — в чуть прикрытых глазах Цинь Шэнсюэ зажглось золото.

Сяо Линь чувствовал, что не может насытиться. Сколько бы ни дышал его запахом — мало. Сколько бы ни целовал — всего лишь утоляет жажду на миг, а потом снова хочется больше. Тяга к Цинь Шэнсюэ не знала предела.

Как он так пахнет. Какой он.

В этом головокружении Сяо Линь с трудом вспомнил про знания, полученные сегодня, — и чуть остыл, чтобы применить их на практике.

Цинь Шэнсюэ уже было приспособился — и тут Сяо Линь выдал нечто неожиданное. Совершенно внезапно.

Сяо Линь остался доволен результатом своей учёбы. Решил, что впредь будет заниматься регулярно.

Инстинкт метки потихоньку поднимал голову. Сяо Линь отпустил губы Цинь Шэнсюэ, поцелуи переместились — щека, висок, и наконец — железа на шее.

Он не стал медлить. Клыки вошли в кожу, феромоны хлынули.

Вместе с прикосновением к железе всё альфийское нутро требовало одного: заполнить своего омегу собой. Пусть метка снова не возьмётся — инстинкт всё равно гнал вперёд. Не остановиться.

Но когда Сяо Линь попытался завершить — ничего не вышло.

Он попробовал ещё раз. Снова ничего.

Замешательство нарастало. Предел давно был достигнут, а нужное не происходило — как будто

что-то не давало.

Он разжал зубы. Отпустил железу. О том, что метка снова не получилась, даже думать не стал — это было ожидаемо. Куда больше его озадачивало другое, совершенно непредвиденное.

Цинь Шэнсюэ, любуясь его растерянным лицом, перевернулся и прижал его к постели.

В глазах — текучее золото.

— Не можешь закончить?

Сяо Линь уставился на него расширившимися глазами. Понял.

По спине прошёл холодный пот.

Цинь Шэнсюэ улыбнулся тихо:

— Только что меня обижал — а как весело было, да?

— Я не... не обижал...

— Не обижал?

— Пользовался альфийским преимуществом, довёл меня до такого состояния — и доволен был, признайся?

Сяо Линь сомкнул губы. Попал в точку. Да, был доволен. Очень.

Серебряные волосы, красота, от которой перехватывало дыхание. Зрачки почти полностью залиты золотом — не разберёшь, это что-то божественное или что-то демоническое. Только красота и сила — в этом никаких сомнений.

Сяо Линь поймал себя на мысли: как вообще можно было позволять себе самодовольство перед ним.

Цинь Шэнсюэ посмотрел на его напряжённое лицо и засмеялся тихо:

— Не бойся.

— Ведь тебе понравилось, да?

— Нам не нужна никакая подготовка, чтобы поиграть в это.

Всего лишь немного ментального внушения. Простой приём: пока он не разрешит альфе закончить — тот и не сможет. Будет послушно оставаться в нужном состоянии ровно столько, сколько нужно.

Щенок, судя по всему, был в восторге от такого расклада — когда сам это устраивал. Что ж. Теперь поиграем в это вместе.

<http://bllate.org/book/18348/1764414>